

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/garshin/aihenv_garshin.html.

Больше трех десятилетий прошло, как умер Гаршин, но его печальный и прекрасный образ с "лучистыми глазами и бледным челом" не тускнеет и для тех, кто еще в ранней юности воспринял весть о "странном стуке" его смертельного падения в пролет высокой лестницы. Рассеялась романтика той дальней поры, рассеялось очень многое, а вокруг имени Гаршина сохраняется прежний ореол, и для нас точно "спит земля в сияньи голубом", когда перечитываешь его не солнечные, а лунные страницы. Та элегия Эрнста, которой уже не играет старый скрипач из "Надежды Николаевны", потому что у него теперь четыре сына и одна дочь, и он вынужден отдавать свое музыкальное искусство такому учреждению, где нужна не элегия Эрнста, - она, транспонированная в рассказы, никогда не умолкала в творце "Attalea princeps", порождая свои меланхолические отклики и в его читателях. Но в то же время он разумен и здоров, его очерки не судорожны и нервны, и в стиле их совсем нет той болезненности и безумства, которые характеризовали самого автора как личность. Гаршин прост и прозрачен, доступен юмору, не любит затейливых линий. Он рассказывает о тьме, но рассказывает о ней светло. У него - кровь, убийство, самоубийство, ужас войны, ее страшные "четыре дня", ее бесчисленные страшные дни, иступление, сумасшествие, но все эти необычайности подчинены верному чувству меры. У Гаршина - та же стихия, что и у Достоевского; только, помимо размеров дарования, между ними есть и та разница, что первый, как писатель, - вне своего безумия, а последний - значительно во власти своего черного недуга. Жертва иррациональности, Гаршин все-таки ничего больного и беспокойного не вдохнул в свои произведения, никого не испугал, не проявил неврастения в себе, не заразил ею других. Гаршин преодолел свои темы. Но не осилил он своей грусти. Скорбь не давит, не гнетет его, он может улыбаться и шутить, он ясен - и тем не менее в траур облечено его сердце, и тем не менее он как будто представляет собою живой кипарис нашей литературы.

Это неудивительно. Если в мир насилия и злобы, в мир стихийной торопливости слепых событий бросить с какой-нибудь Платоновой звезды сознание, и притом сознание нравственное, совесть, то в этой враждебной сфере оно будет чувствовать себя испуганным сиротой и на действительность отзовется недоумением и печалью. Такое сознание и есть Гаршин. Если бы он был глубокий мудрец и мыслитель, то в самой работе своей синтезирующей мысли, в пытливом созерцании мирового зрелища он мог бы найти отвлечение от своей непосредственной горести; он мог бы творить, например, философскую систему, и бесконечные перспективы теории дали бы ему забвение от душевной тоски. Но его сознание носит иной характер. Оно не острое, не всеобъемлющее, не оригинальное: оно - только чуткое и совестливое. Герой его рассказа "Встреча", учитель Василий Петрович, пораженный чужой бессовестностью, это - хороший и честный, но обыкновенный и, может быть, даже ограниченный человек. И сам Гаршин вовсе не парит высоко над идейным уровнем русского интеллигента. Он вращается в кругу мыслей, которые обычны, и они часто грозят придать его страницам отзвук общественных разговоров, оттенок тенденциозности, - но Гаршина спасает художник, который и ставит его выше других, равных ему по силе обыкновенного ума.

У него, употребляя чеховское выражение, "болит совесть", и эта боль все усиливается от тех неизбежных столкновений и приключений, какие всякому приходится иметь в жизни. Пусть сознание испугано миром, в который оно попало; но ведь жизнь такова, что в ней нельзя ограничиваться одной пугливой печалью, нельзя робко бродить по ней без цели и ответа необходимо занять в ней определенное место, так или иначе приобщиться к ее работе и заботе. Пока не пришла смерть сама собою или ускоренная самоубийством, желанно разрубившая гордые узел тягостных сомнений, - надо жить, надо идти на войну существования и провести на его бранном поле много дней, между ними - четыре ужасных дня. Одной мысли, одной совести мало: каждого из нас неотвратимо ожидает дело - и вот здесь обрушивается на нас мучительная драма: совесть и дело, сознание и действие не совпадают между собою, болезненно противоречат друг другу. И жестокая ирония судьбы заходит так далеко, что именно совесть побуждает откликаться на призывы зла, совершать кровавые подвиги, и человек с кротким сердцем и лучистыми глазами добровольно идет на убийство и мучительство. Правда, есть и дело добра, есть ангелы не только праздные, но и работающие (с ними сравнивал Гаршин сестер милосердия); но все же мир устроен так, что самое яркое и страстное дело в нем - это дело злое. Самый красный цветок - это цветок зла. Ничто не требует такой душевной силы, такого напряжения и действенности, как именно